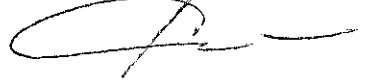

На правах рукописи

РАКОВА Вера Борисовна

**АРХИТЕКТУРНЫЙ ОБРАЗ СИБИРСКОГО ГОРОДА
В ГРАФИКЕ XVII – НАЧАЛА XIX ВЕКА**

Специальность 18.00.01 – Теория и история архитектуры,
реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата искусствоведения

Диссертация выполнена в Красноярской государственной архитектурно-строительной академии на кафедре градостроительства

Научный руководитель: А.В. Слабуха, кандидат архитектуры, доцент

Официальные оппоненты: Т.М. Степанская, доктор искусствоведения, профессор
Н.В. Грязнова, кандидат архитектуры

Ведущая организация: Новосибирская государственная архитектурно-художественная академия

Защита состоится 17 ноября 2005 г. в 14.00 час. на заседании диссертационного совета Д-007.002.01 при Научно-исследовательском институте теории архитектуры и градостроительства Российской академии архитектуры и строительных наук (НИИТАГ РААСН) по адресу: 121019, г. Москва, ул. Воздвиженка, д. 5.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Научно-исследовательского института теории архитектуры и градостроительства Российской академии архитектуры и строительных наук

Автореферат разослан 17 ноября 2005 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат архитектуры

Н.В. Касьянов

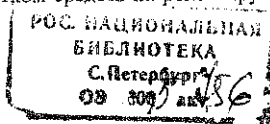
ВВЕДЕНИЕ

Формирование архитектурной среды сибирских городов – особая страница в истории российского и отечественного градостроительства. На протяжении времени возникновения и развития городов, современники фиксировали их облик в графике. Художники запечатлели индивидуальные черты городов, благодаря чему и сегодня, независимо от возраста отдельного города, мы можем обозревать его исторические виды, часто «снятые» с натуры. В большом наследии видовой графики России изображения сибирских городов, несмотря на их разнообразие, до сих пор остаются малознучеными.

Облик города включает разные элементы, его качественные характеристики, через здания, улицы, площади и проч. При этом определенная целостность субъективных ощущений представляет образ города. Архитектурный образ, отображенный в рисунке, гравюре, акварели, состоит не только и не обязательно в запоминании и определении местоположения отдельных городских объектов, но в формировании некоторой суммы признаков, переданных художником средствами графики. Эти признаки, образные «молекулы», выступают элементами образа города. Архитектурный образ города в графике предполагает некий универсальный принцип субъективного отражения архитектурного облика города, переданный с помощью графических приемов. Образное представление художника о городе, как система характеристик (признаков), зафиксированных в сознании, реализуется в графическом объекте, заключающем в себе эти признаки.

Архитектурный образ города, переданный в графике, мог выражать идеи общества различными средствами графического языка, опосредованного соотношением архитектурной формы и соответствующего содержания. Как правило, каждому времени свойственны свои представления о сибирском городе благодаря изменениям прежних черт облика города и формированию новых признаков, возникших как следствие смены приоритетов и эстетических взглядов общества. Исходя из того, что художник - автор вида города обладает собственным «культурным кодом», созданная им графика (рисунки, гравюры, акварели), следуя теории Ю. Лотмана, является «знаком», составляющим язык культуры, так как служит средством «передачи смысла» архитектурного образа города в духе своей мировоззренческой системы.

Актуальность исследования. Художественная и документальная ценность видовых гравюр, акварелей, литографий, рисунков неоспорима. Известно как непоправимо разрушались создаваемые столетиями культовые сооружения: церкви, монастырские комплексы, которые формировали своеобразие архитектурно-пространственной среды исторического поселения. С ростом современного индустриального и жилищного строительства, глобализацией и в то же время недостатком средств на реконструкцию памятников

кутск, Илимск, Удинск, Селенгинск, Кяхта, Нерчинск, Якутск Охотск, Петропавловск, Кольмские остроги).

Временные границы приняты в пределах от начала XVII до начала XIX в., когда происходило первоначальное накопление графических изображений сибирских городов. Исследуемый период обусловлен целостностью (единством) факторов: во-первых, мотивом появления изображений (наличием заказа или частной инициативы автора), во-вторых, стилистическими изменениями в изобразительном искусстве, развитием исторической, научной и художественной мысли России. Нижняя граница исследования определена согласно началу реализации геополитических интересов России на северо-востоке азиатского континента и соответствует времени начала освоения ее зауральских территорий и возникновения первых русских укрепленных поселений в Сибири в конце XVI – начале XVIII в. Верхняя граница определена рубежом XVIII – XIX вв. Главным в определении условной границы начала XIX в. стало то, что в графике с видами сибирских городов можно усмотреть важное изменение. Графические изображения, передающие архитектурный образ города, утрачивают развернутую информативность. Художественный замысел произведения выступает как синоним образа среды. Начинает формироваться представление о ценности отдельного городского уголка, часто в единении с природой.

Цель исследования -- выявить основные особенности отражения архитектурного образа сибирского города в графических изображениях XVII – начала XIX века.

Задачи исследования:

- выявить графическую коллекцию изображений сибирских городов XVI – начала XIX в.;
- дать обоснование исторической периодизации времени формирования и накопления массива графических изображений сибирских городов;
- рассмотреть причины появления изображений сибирских городов;
- выявить имена художников - авторов изображений;
- изучить особенности построения графических изображений сибирских городов.

Методика исследования. В ходе подготовки диссертации применялась комплексная научная методика. Источниковедческий характер определил системное и последовательное изучение отечественных и зарубежных графических источников - рисунков, гравюр, акварелей, книжных изданий с оригиналами гравюр. Изучались специальные труды по истории сибирских городов, графические и текстовые материалы. Метод исторического анализа предопределил сравнительно-аналитический характер исследования; изучение проведено хронологически, в соответствии с историческими этапами развития изобразительного искусства и архитектуры в целом. В диссертации предложен принцип типологии

как метод исследования передачи архитектурного образа города; комплекс графических изображений городов Сибири исследован через эволюцию их типов.

В ходе настоящей работы изучение процессов накопления комплекса графических изображений и проблем формирования заказа проводилось параллельно (одновременно), что предопределено поисковым характером исследования. При этом предложенный в диссертации вариант последовательности расположения материала (глав) позволил сначала рассмотреть процессы появления заказа как побудительного момента к появлению изображений сибирских городов (первая глава), затем реконструировать исторические процессы накопления комплекса графических изображений (вторая глава), чтобы перейти (в третьей главе) к изложению результатов научной интерпретации собственно графических изображений.

Источниками исследования стали текстовые, картографические и графические материалы, в том числе коллекции изображений сибирских городов, которые к началу XXI в. накоплены и сосредоточены в ведущих библиотеках, музеях и архивах России: Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург), в научных библиотеках Российской Академии наук и Российской академии художеств, Российской государственной библиотеке (Москва), Государственном Историческом музее, Государственном Русском музее, Российском государственном архиве древних актов, Российском государственном военно-историческом архиве, Российском государственном историческом архиве, архиве Военно-морского флота России, Санкт-Петербургском филиале архива Российской Академии наук, архиве Русского географического общества. Используются отдельные материалы из краеведческих музеев сибирских городов Барнаула, Иркутска, Красноярска, Кяхты.

Научная новизна работы состоит в следующем:

- впервые комплексно исследовано графическое наследие изображений сибирских городов продолжительного периода времени (XVII – начало XIX в.);
- извлечены и введены в научный оборот ранее не задействованные в архитектуроведении и искусствознании исторические графические источники, отражающие архитектуру сибирского города, в частности гравюры Г.И. Унферпхта;
- выявлены имена авторов графических изображений сибирских городов XVII – начала XIX в.; составлен словарь авторов графических изображений и авторов книг с иллюстрациями-изображениями сибирских городов XVII – начала XIX в., включающий 40 имен;
- впервые рассмотрены особенности отображения архитектурного образа сибирского города в типах графических изображений.

Практическая значимость работы. Результаты исследования внедрены в учебные лекционные курсы по истории архитектуры и градостроительства Сибири и истории художественной культуры Сибири, читаемые на архитектурной специальности в Красноярской государственной архитектурно-строительной академии. Материалы диссертации будут востребованы при реконструкции исторического облика сибирских городов, их архитектурно-пространственных характеристик. Могут быть использованы в профессиональной работе художников, режиссеров, сценаристов театра и кино, мастеров изобразительного искусства, кураторов художественных выставок; подготовленный аннотированный каталог графических изображений сибирских городов и словарь имен авторов изображений будут использоваться в практике искусствоведческих исследований.

На защиту выносятся:

- обоснование видов заказа как основного мотива появления отдельных изображений и формирования графических коллекций изображений сибирских городов;
- историческая периодизация времени формирования комплекса графических изображений сибирских городов;
- графическая типология исторических изображений сибирских городов в развитии;
- принцип типологии как метод исследования передачи архитектурного образа города.

Апробация основных положений диссертации осуществлена в форме публикаций автора (6 статей). Отдельные аспекты исследования доложены на научных конференциях в Омске (Омский художественный музей им. М.А.Врубеля, 2003 г.), Барнауле, Красноярске (Красноярский художественный музей им. В.И.Сурикова, 2005 г.; Красноярская государственная архитектурно-строительная академия, 2005 г.).

Структура и объем работы. Диссертация включает введение, три главы, заключения, примечания, библиографический список, список архивных источников, а также приложения материалов: таблицы (иллюстрации), каталог графических изображений и словарь имен авторов изображений. Общий объем диссертации составляет 185 страниц текста с библиографическим списком и 137 страниц приложений, в том числе 93 таблицы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В первой главе «Заказ как мотив появления и формирования графических изображений сибирских городов. Виды заказа» определяется роль заказа как побудительной причины возникновения графических изображений сибирских городов, рассматриваются виды графического заказа.

Первый раздел первой главы освещает государственный заказ. Заказ на графическое изображение острогов и городов, возведенных на освоенных русскими людьми сибир-

ских территориях. появляется во второй половине XVII в. В отличие от содержащих эмпирические знания о городе документальных источников первой половины XVII в., в которых, за редким исключением, описывались архитектурные качества построек и принципы градостроения, в графических материалах второй половины столетия уже чаще отражали архитектурный облик сибирского города (шанировочный принцип застройки, внешний вид оборонительных и культовых сооружений). В конце XVII в. царские указы ставили общую задачу, определяли объем и сроки исполнения графических работ. С расширением границ империи заказчик требовал насколько возможно документальной точности изображения территории колонизованных земель и облика новых городов. При этом художник еще не был скован требованием к качеству художественного исполнения заказа. Итогом крупномасштабного графического заказа, выполненного в государственных целях, явился атлас Сибири, изготовленный сибирским картографом С.У.Ремезовым.

В процессе исторического развития менялся характер роли государства как заказчика графических видов сибирского города. К XVIII в. государственный заказ уже определяет не только сроки работ, но и характер изображения. Академия наук, как основной заказчик видов сибирских городов с 30-х гг. XVIII в., назначая в штат своих экспедиций рисовальщика и снабжая его подробной инструкцией о выполнении вида города, сформировала подход к научно-достоверному характеру зарисовок сибирских городов, выполняемых с натуры. Потребность в репрезентативном характере подготавливаемых по этим зарисовкам гравюр, которые должны были войти в распространяемые за границей альбомы, стала причиной требования высокого художественного уровня к их исполнению.

При этом само государство оставалось заказчиком графических изображений снятых «с натуры» планов городов. Иногда такие рукописные планы сопровождались, как украшением, проспектами городов, как, например, Томска (работы П.Григорьева) и Нерчинска (работы М.Татарина).

С 1780-х гг. право назначать художника в состав государственных экспедиций переходит к императорской Академии художеств. Авторами зарисовок сибирских городов и поселений отдаленных северо-восточных районов России с натуры впервые становятся художники-профессионалы (Л.А.Воронин, Е.М.Корнеев).

Определенную специфику государственному заказу придавал факт личной инициативы и заинтересованности со стороны российского императора. Так особенность мотива появления графических изображений сибирских Алтайских и Нерчинских городов-заводов (исполнитель В.П.Петров) явилась принадлежность заводов русскому императору на основе владельческого права. Император, распорядившийся об общей организации работ, не оказывал непосредственного влияния на творческую часть работы, не регламентировал

технику и манеру исполнения. Это, возможно, способствовало появлению серий видов сибирских городов, выполненных в «мобильной» акварельной технике.

И все же в императорском заказе сохранялся приоритет не личного, а государственного интереса. Такой заказ в определенном смысле имел политическую цель: достойно, на должном профессиональном уровне показать могущество и обширность территориальных владений России. Именно этому требованию отвечали акварельные виды отдельных сибирских городов, выполненные в конце XVIII в. выпускником Академии художеств Е.М.Корнеевым, участником экспедиции, организованной по указу Александра I.

Работы, выполненные по государственному заказу, имели важное культурное и историческое значение. Собранные «на местах» геодезистами и художниками экспедиций они составили обширный комплекс изображений сибирских городов и острогов.

В общем, государственный заказ на изображение сибирских городов был распространен на протяжении всего рассматриваемого периода – с конца XVII до начала XIX в. Сегодня, рассматривая в ретроспективе процесс формирования комплекса графических изображений, следует отметить, что моменты явного увеличения общего числа графических видов сибирских городов соответствуют времени работы различных государственных экспедиций на отдаленных северо-восточных территориях Сибири.

Во втором разделе первой главы исследован частный заказ и частная инициатива. Частная инициатива сыграла большую роль в появлении изображений сибирских городов. Наиболее ярко она проявилась в двух типах источников: в дневниковых записях путешественников, и в авторских инициативных исследованиях и обзорениях. Так зарисовки с натуры в ходе своих путешествий делали участник императорского посольства в Китай И.Г.Унферцахт и член академической экспедиции Т.Кенигсфельд. А немец Г.Шлейсинг и голландец Н.Витсен в XVII в. изображения сибирских городов подготовили с целью иллюстрирования своих книг о Сибири, хотя при этом и использовали компилятивные изображения с чужих графических работ.

Результаты исследования показывают, что резкого количественного скачка в появлении графических изображений сибирских городов, выполненных по частной инициативе авторов, не наблюдается. Это было связано с отдаленностью и труднодоступностью территории Сибири. Интересно, что частная инициатива была свойственна в основном иностранцам, издававшим книги о России. Художники, обладавшие собственным желанием запечатлеть сибирский город, были более свободны в трактовке вида, выборе композиционной схемы и графического языка изображения.

По сравнению с частной инициативой частный заказ на изготовление изображений сибирских городов, скорее всего, имел меньшее распространение. При этом образцы, ис-

полненные по заказу частного лица, свидетельствуют о востребованности такого типа изображений («шторки» Н.Шахова с видами сибирских острогов, выполненные для украшения интерьера жилого помещения). Частые пожары, уничтожившие письменные источники, отсутствие документальных записей о выполнении заказов, преобладание в Сибири государственной собственности – вот причины малого количества сохранившихся свидетельств частного заказа в Сибири в XVII – начале XIX в.

Во второй главе «Основные исторические этапы формирования комплекса графических изображений сибирских городов» последовательно рассматриваются четыре этапа, во время которых происходило формирование и накопление массива изображений сибирских городов.

В первом разделе второй главы рассматривается процесс появления графических изображений первых сибирских острогов и поселений на этапе зарождения и развития представлений о северо-восточных окраинах русского государства (XVI – середина XVII в.). К концу XVI в. для составления географических карт Сибири иностранцы используют сведения из преданий, легенд и мифов. Первые изображения сибирских городов на картах отражали часто гипотетические (иногда фантастические) представления их авторов, имели условный характер, так как основывались на вымысле и разноречивых сведениях (как в работах шведского историка и географа О.Магнуса или немецкого географа и писателя С.Мюнстера). При этом графический язык, условные обозначения городов, как правило, повторяли образы, применяемые в западноевропейской картографии.

В начале XVII в. графические изображения сибирских территорий основываются уже на конкретных наблюдениях и авторских описаниях, становясь все более достоверными (как у голландского историка, писателя и географа И.Массы).

Во втором разделе второй главы рассматривается процесс профессиональной деятельности по картографированию территории Сибири на этапе ее градостроительного освоения в конце XVII – начале XVIII в. Результатом деятельности стал первый в истории русского государства атлас Сибири («Чертежная книга Сибири»), выполненный русским картографом С.У.Ремезовым и содержащий изображения сибирских острогов и городов.

В конце XVII в. появляются изображения сибирских городов, ставшие отражением свидетельств прямых очевидцев – путешественников в Сибирь (голландца посланника И.Идеса, шведа художника Г.Унфердахта). При этом, если виды сибирских городов, выполненные С.У.Ремезовым по царскому указу, почти статистически отражали освоение огромной территории Сибири, то в видах сибирских городов, выполненных иностранцами – участниками русских посольств через Сибирь в Китай запечатлены лишь те сибирские города, которые представляли интерес по собственному мнению авторов. До нас дошли

виды сибирских городов, в которых посольства задерживались дольше по сравнению с другими городами. Ими оказывался Тобольск, столица Сибири того времени, и города, лежащие на границе с Китаем (Нерчинск, Селенгинск, Удинск), где приходилось ожидать разрешения для въезда на территорию Китая.

В третьем разделе второй главы исследована деятельность по формированию коллекций графических видов сибирских городов на этапе организованных исследований территории Сибири в XVIII в. В это время осуществлены крупномасштабные экспедиции с целью изучения Сибири (Вторая Камчатская экспедиция под руководством И.Г.Гмелина и Г.Ф.Миллера и др.). Художники экспедиции (И.Х.Беркхан, И.Д.Деккер, И.В.Люрсениус), выполнили рисунки городов, а по их рисункам создана графическая серия видов городов и поселений Сибири и Дальнего Востока.

На этом этапе появляются издания, положившие начало типу книг, т.н. «живописных путешествий», не претендующих на научное исследование, но все же содержащих определенную информацию об архитектуре сибирских городов (книга француза Шапп'д Отроша с гравюрами Ж.Б.Тилииарда по рисункам Ж.Б.Лепренса и др.).

В четвертом разделе второй главы рассмотрен процесс формирования обширного комплекса графических изображений с конца XVIII и до начала XIX в., раскрыты особенности этапа складывания художественного подхода к передаче изображения города. Как самобытное, в диссертации оценено, появление в конце XVIII – начале XIX в. изображений сибирских крепостей, исполненных непрофессиональным художником Н.Шаховым. Отмечено, что акварели художников Л.Воронина и Е.Корнеева, назначенных Петербургской Академией художеств в экспедиции конца XVIII – начала XIX в., составляют своеобразный комплекс видов сибирских городов и отдаленных поселений. Регулярность застройки Барнаула, характерность ансамбля жилых и производственных построек сибирских городов-заводов отобразены в работах художника В.Петрова.

Подчеркнуто, что в видах сибирских городов конца XVIII – начала XIX в. все еще доминировал «документальный» образ, однако авторы изображений уже расширяли границы художественного понимания архитектурного образа города, который приобретал все более непосредственный и свободный (от регламента) оттенок. Архитектурный образ сибирского города становился более камерным. Сибирский город воспринимался и передавался в рисунках и акварелях не отвлеченно от содержания повседневной жизни, а с неотъемлемыми компонентами современного «живого» города и в непосредственном природном окружении. К началу XIX в. художник вводит в пейзажное окружение города черты самобытной сибирской природы. Это стало шагом к формированию в XIX веке жанра городского пейзажа.

Третья глава «Типы графических изображений. Основные принципы отображения архитектурного образа сибирского города» посвящена выявлению различных типов графических изображений города, изучению условий их появления и функционирования, рассмотрению основных принципов отображения в них архитектурного образа сибирского города.

В диссертации изучение композиционных и графических методов и средств передачи архитектурного образа сибирского города в изображениях построено на основе типологического подхода. Предложенная типология выстроена на основе учета различных приемов и способов пространственной организации изображения. Причем факторы, определившие типы изображений сибирского города рассмотрены в зависимости от пространственных характеристик: вертикальная составляющая (высота линии горизонта и точки зрения относительно уровня земли) и горизонтальная составляющая (размеры охваченного в изображении городского пространства). В основе «конструкция» предложенной типологии сознательно сужена до простейших пространственных характеристик – это вариант авторского подхода к исследованию основных особенностей отражения архитектурного образа города. Отталкиваясь от этого подхода, в исследовании автор изучил широкий круг факторов, участвующих в механизмах возникновения, разрушения, трансформации тех или иных представлений о передаче архитектурного образа города. При этом особая роль отводится влиянию общекультурного контекста, профессиональных навыков и предпочтений художника-автора.

Исследование выявленного комплекса графических изображений сибирского города выполнено последовательно – изучен в отдельности каждый из определенных типов изображений: топографический, смешанный топографическо-панорамный, фронтальная панорама, глубинно-пространственная панорама, локальный вид.

Первый раздел третьей главы посвящен топографическому типу изображения. Обращение художников к теме города в конце XVII – начале XVIII в., ориентируясь на петровские принципы, предполагало поиск формы изображения в его уже не столько сакральном и религиозно-символическом осмыслении, сколько в светском понимании конкретного «портретного» образа. При передаче архитектурного образа сибирского города в своих атласах С.У.Ремезов «смешивает» в топографическом типе «старые» изобразительные приемы, свойственные иконописи (использование различных точек зрения – с неба и с земли, «повороты плоскостей», «развертки» отдельных зданий), и новые приемы, пришедшие на смену условности религиозной живописи. Созданный им образ города уже не сводится к «совокупности его избранных объектов». Отдельные здания не противопоставляются друг другу, а сосуществуют, создавая образ города как единый организм. Архи-

тектурный образ сибирского города, переданный С.У.Ремезовым, в сибирских атласах включает в себе информацию, как о пространственной и планировочной структуре сибирского города, так и о конструкции отдельных сооружений. Эти виды сибирских городов точно передают город с составляющими его частями: крепостью-острогом, посадом, слободами и совокупностью прилегающих земель. Практически по всем рисункам из «Чертежной книги Сибири» можно составить впечатление как о местности, лежащей вокруг города, о характере ее заселенности, наличии слобод и монастырей, так и о структуре острога, формах его стен и башен.

Композиция изображения сибирского города, примененная С.У.Ремезовым, сформирована в результате взгляда извне, одновременно сверху и сбоку. В отличие от изображения города в средневековых русских миниатюрах и иконах, где визуальное единство достигалось через плотное «телесное» «ступенчатое» заполнение плоскости поднимающимися друг над другом зданиями, пространственное единство города у в изображении С.У.Ремезова достигалось, как это не парадоксально, оставлением воздушных промежутков или свободных мест между предметными элементами изображения – отдельными зданиями, замкнутыми в кольцо оградительных острожных стен. Архитектурный образ сибирского города художник выстраивал с помощью внутренне-логической связи между городскими объектами и (свободным) пространством. Город воспринимался не как статичный «канонический» объект, а как способный развиваться внутри и снаружи ограниченно-го стенами пространства. Изображение становилось совершеннее в глазах автора. Возможно, это был поиск идеала, который с помощью подобного, топографического, типа изображения претворился в архитектурном образе города, воплощенном в сибирских атласах С.У.Ремезова.

Обладая знаниями и европейским опытом видовой гравюры, иностранец (голландец) историк и писатель Н.Витсен, воспользовавшись для иллюстраций к своей книге о Сибири рисунками видов сибирских городов, выполненных С.У.Ремезовым, не мог быть удовлетворен их условностью. «Нужда в иллюзии» у иностранного зрителя породила «доработку» видов сибирских городов (уже голландским художником), которая заключалась кроме прочего в применении законов перспективы. При этом европейский художник заполнил гравюры стаффажем и поместил сибирские города в природное окружение. Эти приемы помогали передать оптическую иллюзию глубины пространства с имитацией жизненной правды, «жизненной поверхности», на которой уже был воспитан глаз европейца конца XVII – начала XVIII в., смотревшего на гравюры как на сцену, где мог быть заворочен реальностью архитектурного образа города, воплощенной средствами художественной техники. Так неизвестный голландский художник, используя для книги

Н.Витсена рисунки С.У.Ремезова, сохранил топографический тип изображения, при этом привел их в соответствие европейским традициям «портретирования» городов, представил свое видение архитектурного образа сибирского города.

Топографический тип изображения применяется художниками и позднее, в конце XVIII – начале XIX в., например, в изображениях сибирских острогов на «шторках» Н.Шахова. Замкнутость общей композиции «шторок» Н.Шахова, заключенных в прямоугольное бордюрное обрамление, возможно, – отголосок закрытости средневекового мышления, жившего в народной культуре до конца XVIII в. Этим объясняется и выбор приемов изображения города, свойственных топографическому типу изображения, видимо, бытовавших в среде художников-самоучек и имеющих место в современном т.н. «наивном» искусстве.

Топографический тип изображения, как в рисунках С.У.Ремезова, так и в «шторках» Н.Шахова, предполагает наличие разнообразной обширной информации о «месте» расположения города. Это – география и история места.

Появившиеся в XVIII в. изображения сибирских городов (план города Иркутска работы М.Зиновьева и др.) демонстрируют изменение топографического типа, который трансформировался в чертеж городского плана с обозначением наиболее значимых для него строений.

Второй раздел третьей главы посвящен смешанному топографическо-панорамному типу изображения города. В конце XVII – начале XVIII в. вместе с изданными за границей книгами с гравюрами иностранцев, изображавшими русские города, в Россию был привнесен западноевропейский, в большей степени голландский, видовой архитектурный рисунок, а вместе с ним и европейский принцип изображения города. Это демонстрируют изображения сибирских городов, помещенные в книги иностранцев о Сибири Г.А.Шлейсинга, И.Идеса, И.Г.Унферцахта.

Если один автор (И.Г.Унферцахт) придерживался принципа сохранения достоверности вида: «не тшался [...] переиначить описываемые мною вещи», то другой (Г.А.Шлейсинг) в изображении Тобольска соединил правду с вымыслом. Существующее в риторике XVII в. понятие «*argumentum comœdisium*» могло относиться к настоящему, которое – далеко. Этим «далеким» был облик сибирской столицы – Тобольска. Изображения реально существующих зданий автор через художническое вмешательство интерпретировал по европейскому образу.

С одной стороны, в смешанном топографическо-панорамном типе изображения художник, ориентируясь на новое понимание пространства, уже не передавал информацию о планировке города, при этом сохранял интерес к топографическим особенностям

местности. С другой – выбирая приближенной к поверхности земли точку взгляда и представляя город как панораму, развивающуюся по горизонту и в глубину, он имел возможность подробно прорисовать архитектуру острожных башен и колоколен церквей, наполнить изображения видами судов и животных. Выбор точки взгляда, приближенной к уровню земли, позволял отвести довольно большое место, почти половину листа, небу. Это придавало изображению города «развернутый» вид, ощущение простора, что стало «новым словом» в видовой гравюре.

Третий раздел третьей главы рассматривает фронтальную панораму. Абсолютизм XVIII в., породив эстетическую утопию, основанную на представлениях об упорядоченности, гармонизирующей среду жизни, способствовал утверждению нового образа города, который стал восприниматься как идеальный. Этому соответствовала фронтальная презентация его вида. Принцип, свойственный фронтальной панораме, – развернутость в одну линию городского фасада, как правило обращенного к реке, использован в гравюрах серии видов сибирских городов, выполненных по рисункам художников Второй Камчатской экспедиции, в гравюрах и рисунках дальневосточных поселений (книга М.П.Крашенинникова о Камчатке, зарисовки Л.Воронина), «проспектах» П.Григорьева и М.Гатаринова, акварелях Е.М.Корнеева, некоторых иностранных гравюрах с видами сибирских городов.

Городской фасад мыслился как граница – одновременно определяющая пределы города и связывающая внутреннее и внешнее пространства, что стало своего рода осознанием пространственного единства города и его природного окружения, их взаимодействия. При этом если в видах середины XVIII в. главной являлась архитектурная панорама, в которой важно было зафиксировать целостность городского организма, где город значил больше, чем пейзаж, то к концу века намечается новое отношение к пространству. В конце XVIII – начале XIX в. содержательная логика построения городского вида сменяется тягой к зрелищности (гравюры Ж.Б.Тиллиарда с видом Тобольска и Ф.Д.Нее с видом Якутска, акварели Е.М.Корнеева). Это явилось первыми попытками не просто дополнить вид сибирского города бытовой сеной, но уловить связь между своеобразным характером архитектуры и манерой народной жизни, показать органическую близость городского и природного начал. Отсутствие буквальности реальности и статистической точности облика сибирского города при отражении его образа в гравюрах иностранцев, возможно, связано с эстетическими основами европейской вестулы XVIII в., в традициях которой бытовало создание архитектурных фантазий, где конкретные объекты, существующие в реальности, сочетались с придуманными.

В первом десятилетии XIX в. через архитектурный образ города уже не передаются полные сведения о планировочной и пространственной структуре города, конструктивных

особенностях отдельных построек, – полнота конкретных архитектурных характеристик, видимо, теряет значение для художника. Виды сибирских городов (офорты и акварели А.Мартьянова) приобретают камерное состояние. Объединившись, город и природа образуют особый тип, в котором образ сибирского города становится эмоционально окрашенным, наполняется новым, иным содержанием, приблизившись к пейзажу.

Четвертый раздел третьей главы обращен к типу глубинно-пространственной панорамы (виды сибирских городов из книги французского историка Н.Г.Леклерка, панорама Барнаула В.П.Петрова, акварели Е.М.Корнеева и др.), которая развивалась в графике одновременно с фронтальной панорамой. Изображения этого типа, при использовании также одной точки взгляда, представляли вид города, развивающийся в глубину пространства.

К концу XVIII – началу XIX в. изображения типа глубинно-пространственной панорамы несколько меняют свое содержание: при сохранении графических сведений о застройке центральной части города, направлении улиц наблюдается отход от обязательности полноты информации о городе. Отражение в изображении города вертикальной иерархии городских объектов теряет ведущую роль. Архитектурная метафора, лежащая в основе композиционного решения отдельных изображений сибирских городов XVIII в., относящихся к типу глубинно-пространственной панорамы, еще связывается с образом упорядоченного мира, свойственного классицизму, но к началу XIX в. в композиции изображения симметрия теряет свое значение, уступая место свободной трактовке городского пространства, внося в архитектурный образ города элемент присутствия человека.

Пятый раздел третьей главы посвящен типу изображения города, названному локальным видом. Изображения данного типа, как правило, сопровождали рукопись или записки автора о поездке в экспедицию или о путешествии. В них передавался образ места в городе или отдельного городского объекта, чем-то выделяющихся среди других, возможно, отмеченных каким-либо историческим событием, историческим лицом или самим автором. Изображения сибирских городов локального типа немногочисленны. Выполненные с натуры самим художником, они ценны как первоисточники. Изображения локального типа не были нацелены на отражение образа сибирского города во всей полноте его архитектурного пространства; в них художник стремился к «кадрированию» городской среды, при этом особенности рельефа местности отображались только как принадлежность к отдельному городскому объекту. Изображения отдельных фрагментов городского пространства иногда служили материалом для сложения цельного архитектурного образа города и могли быть использованы для создания развернутого изображения (как, например, гравюры с видами Березова, выполненные с рисунков Т.Кенигсфельда для книги французского историка Н.И.Делиля).

В заключении излагаются основные выводы исследования:

Обширный комплекс графических изображений сибирских городов, накопленный в XVII – начале XIX в., отражает процесс градостроительного, культурного освоения и развития территории Сибири. Наравне с литературными текстами и записками современников графические изображения с видами сибирских городов представляют ценный содержательный источник. Причиной (мотивом) появления коллекций изображений сибирских городов стал заказ. Заказ мог быть государственным и, в меньшей мере, частным. Государство являлось заказчиком большинства документальных графических изображений видов городов. Это было связано в основном с научным заказом, определенным рамками академических инструкций. При выполнении государственного заказа, как проявления прагматического интереса со стороны Российского государства, преследовалась цель – отражение и демонстрация масштабов новых российских владений в Сибири. Отдельным мотивом могла стать частная инициатива, не скованная рамками «заказных» правил.

Обстоятельства заказа также определяли и то, что, несмотря на отдаленность Сибири от столицы, с конца XVII до начала XIX в. авторами изображений с видами сибирских городов в основном являлись столичные мастера.

Накопление комплекса графических изображений сибирских городов с XVII до начала XIX в. происходило несколькими этапами.

Первый этап отражает процесс появления графических изображений первых сибирских острогов, соответствует времени зарождения и развития представлений о северо-восточных окраинах России (XVI – середина XVII в.). Первые изображения сибирских городов на картах отражали часто гипотетические (иногда фантастические) представления их авторов о Сибири и имели условный характер.

Второй этап определяется временем широкомасштабных работ по картографированию территории Сибири, последовавших за первоначальным градостроительным освоением зауральских территорий, по сути, начальным периодом реализации геополитических интересов России на северо-востоке азиатского континента (конец XVII – начало XVIII в.). В связи с реализацией государственного интереса появляются первые графические изображения сибирских городов, выполненные по государственному заказу, в том числе - как отражения свидетельств очевидцев-путешественников в Сибирь.

Исходя из того, что русские поселения в Сибири начинают формироваться как города в большинстве лишь к XVII в. и для их изображений художники не имели подходящих исторических прототипов, сделав вывод, что виды сибирских городов конца XVII – начала XVIII в. положили начало формированию иконографической коллекции сибирских городов.

Третий этап – развития сибирского города и накопления знаний о нем – соответствует времени развития научной и культурной мысли, осуществления организованных исследований сибирских территорий (середина XVIII – последняя четверть XVIII в.). Это один из самых плодотворных этапов. В это время появляются виды городов Сибири и Дальнего Востока, которые оказались в пределах территории научного исследования крупных академических экспедиций. Реализуя рекламные цели, пропагандируя широту имперских владений, государство явилось заказчиком первой русской графической серии видов сибирских городов, в которой отразился обобщенный архитектурный образ города.

Конец XVIII – начало XIX в. стал периодом организации государственных экспедиций административного характера. Художники – выпускники Академии художеств – члены экспедиций рисовали сибирские города, лежащие на путях следования. Также в этот период времени в Сибири в местах, подведомственных Кабинету его императорского величества, работали художники по личному указу императора. В начале XIX в. со стилистическими изменениями в искусстве на смену восприятию города как научно и социально значимого организма пришло обновленное представление художника о собственном предназначении как автора-творца. Теперь художник трактует архитектурный образ сибирского города через единение архитектуры, ландшафта и предметной среды жизни человека-горожанина. Новый, художественный, подход к передаче архитектурного образа сибирского города в графике определил четвертый этап – конец XVIII – начало XIX в.

В становление иконографии сибирских городов XVII – начала XIX в. внесли вклад, как русские, так и иностранные авторы. Санкционированный доступ на территорию Сибири привел к тому, что в Сибирь попадали лишь те из иностранцев, которые состояли на русской государственной службе. Причина появления недостоверного, часто фантастического архитектурного образа сибирского города была обусловлена недостатком сведений о далекой и труднодоступной территории и, отчасти, во второй половине XVIII в., европейской традицией создания архитектурных фантазий.

Широкий круг факторов влияет на механизмы складывания и изменения тех или иных представлений об отражении архитектурного образа города в произведении изобразительного искусства (развитие наук, культуры, уровень профессиональной подготовки, навыки и предпочтения художника-автора и проч.). При этом особенности отражения архитектурного образа сибирского города по-разному проявились в различных типах графических изображений: топографическом, смешанном топографическо-панорамном, фронтальной панораме, глубинно-пространственной панораме, локальном виде.

Виды сибирских городов топографического типа выполнялись художником как составные элементы изображений обширных территорий Сибири, выполненных с высоты птичьего полета, с достаточно подробной прорисовкой элементов природного ландшафта, путей следования в Сибирь и другими проявлениями хозяйственной деятельности человека. Как правило, изображения такого типа давали общие представления о пространственной и планировочной структуре поселений. Первые изображения сибирских городов (на географических картах С.У.Ремезова) отмечали результат «означивания», факт владения русским государством огромной территорией Сибири.

Позднее топографический тип изображения проявился «отголоском смысла» определения географического места не только для городов, но и для людей, животных и др., как неотъемлемых составляющих элементов бытия. Так (в «шторках» Н.Шахова) память художника из народной среды, удерживающая в себе образы иконописи и народного искусства – родной ему культурной традиции, повлияла на его интерпретацию архитектурного образа сибирских острогов.

При формальном подходе к интерпретации видов топографического типа по сути не изменялось информативно-содержательное наполнение «производных» изображений. Как, например, произошло в гравюрах из книги Н.Витсена: стремление создать видимость действительности стало причиной применения законов перспективы и светотени в изображении сибирских городов. Кстати это способствовало привнесению из европейской гравюры на русскую почву нового художественного метода.

Смеланный топографическо-панорамный тип объединяет те графические виды, в которых изображение собственно города уже наравне представлено с изображением топографических характеристик местности, либо немного уступает ситуационным свойствам его природного окружения.

Появление названного типа изображений характеризует время путешествий в Сибирь иностранцев. Знания (как предположения или непосредственный опыт) о сибирском ландшафте применены ими в гравюрах при создании органичного с природой образа сибирского города. Использование художниками точки взгляда, приближенной к уровню земли, и приема построения изображения по «планам», основанных на опыте европейской системы изображения городов, привели к необходимости решения новых пространственных задач, к «опробованию» новых принципов построения.

В изображениях XVIII в. архитектурный образ сибирского города приобрел признаки, соответствующие представлению об «идеальном» городе – расположенном на берегу реки, обращенном к ней фасадом с главными архитектурными объектами. В диссертации этот тип изображения назван фронтальной панорамой.

Теперь в архитектурном образе города, переданном приемами фронтальной панорамы, особое значение приобретает силуэт. Это требовало решения задачи пространственной организации изображения. Вертикали шпилей и куполов церквей и соборов компенсировали удлиненность изображения по горизонтали. Фронтальная панорама достойно демонстрировала построенный на могучей сибирской реке новый город – по подобию архитектурному образу новой северной столицы России, основанной на берегу Невы и многократно впечатленной на гравюрах современников. Поэтому появление большого количества изображений сибирских городов, выполненных по типу фронтальной панорамы, объясняется расширением государственного заказа на них и совпадает со временем деятельности больших научных экспедиций в Сибири.

Виды сибирских городов, выстроенные по принципу глубинно-пространственной панорамы, испытали идеи регулярности из европейской модели пространственного мышления, привнесенные иностранными художниками второй половины XVIII века. В содержании архитектурного образа сибирского города на французских гравюрах второй половины XVIII в. превалирует мировоззренческое начало эстетики эпохи Просвещения. При этом архитектурный образ некоторых сибирских городов мог быть изложен авторами как гипотетический. Его особенностью стало отсутствие прагматической нацеленности на соответствие образа города его реальному облику; здесь идея и форма превалируют над действительностью.

Архитектурный образ сибирского города, отображенный в таком типе изображения как локальный вид, уже совершенно не обладал полной, развернутой информативностью. Город «распадался на части», художник пытался заключить смысл главного в «малом», локальном виде. Это подготавливало почву для развития жанра камерного городского пейзажа.

Изменение архитектурного образа сибирского города в различных типах изображения дает основание сделать вывод об общем характере этого развития: движения от общего – к частному, внимания от целого города – к отдельному городскому объекту.

В целом, архитектурный образ сибирского города, отображенный в различных типах, характеризует определенный уровень информативности о городе. Архитектурный образ сибирского города, имея в топографическом типе изображения ярко выраженный структурный характер, далее все больше приобретает характер пейзажного видения. К началу XIX в. архитектура города начинает восприниматься как бы попутно, но не из-за невнимания к ней, а по причине углубленного интереса к природе. В отражении архитектурного образа сибирского города становится важной среда окружения не «высвечиваю-

щая» цельность городской структуры, а «укрывающая» его в природном окружении (кущах деревьев, разливах реки, складках гор). И каждому типу изображения сибирского города соответствует своя, неповторимая образная эстетика видения.

Список публикаций автора по теме диссертации

1. Ракова, В. Б. Атлас одного путешествия / В. Б. Ракова // Палитра. [Ежегодник художественной жизни Красноярского края]. Красноярск, 2003. № 2. С. 53–54.
2. Ракова, В. Б. Пустыня и сад как культурологические категории / В. Б. Ракова // Сибирский сад – территория мечты: сб. материалов научно-художественного проекта. Омск – Новокузнецк, 2002 год / Науч. ред. В. Г. Рыженко. Омск, 2004. С. 19–23.
3. Ракова, В. Б. Красноярск в графике конца XVII – XVIII в. К вопросу о типах графических изображений сибирских городов / В. Б. Ракова // Проблемы строительства и архитектуры: сб. материалов XXXIII региональной научно-технической конференции / КрасГАСА. Красноярск, 2005. С. 88.
4. Ракова, В. Б. Художники Императорской Академии художеств в научных экспедициях конца XVIII – первой половины XIX века / В. Б. Ракова // Академия художеств: история и современность: освоение культурного пространства Сибири: сб. материалов региональной научной конференции / Омский гос. историко-краеведческий музей; Сибирский филиал Ин-та культурологии МК РФ. Омск, 2005. С. 28–35.
5. Ракова, В. Б. Две гравюры И. Идеса. (К вопросу о видах сибирских городов начала XVIII века / В. Б. Ракова // Культурное наследие Сибири: сб. научных статей. Вып. 7 / Алтайский гос. ун-т / Отв. ред. Т.М. Степанская. Барнаул, 2005. С. 18–21, илл.
6. Ракова, В. Б. Иоганн Георг Унферцахт и его гравюры с видами Тобольска, Удинска, Селенгинска. (К вопросу о возникновении графических изображений сибирских городов конца XVII – начала XVIII века) / В. Б. Ракова // Енисейский архитектурный сборник. Альманах теории и истории архитектуры, искусствоведения, вопросов архитектурной практики, критики и образования: сб. научных статей / Сибирское отделение РААСН; КрасГАСА / Отв. ред. А.В. Слабуха. Красноярск, 2005. С. 52–59, илл.

Типы изображения сибирских городов в графике XVII – начала XIX в.

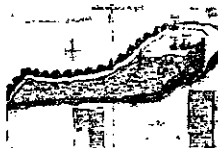
Топографический тип

Березов. Нач. XVIII в.
С.У.Ремезов

Березов. Нач. XVIII в.
Н.Витсен

Охотский острог. 1737 г.
Неизвестный автор.

Енисейск. Нач. XVIII в.
С.У.Ремезов

Енисейск. Нач. XVIII в.
Н.Витсен

Обдорск. Кон. XVIII в.
Н.Шахов

Кузнецк. Нач. XVIII в.
С.У.Ремезов

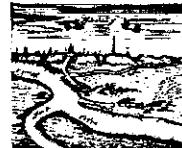

Кузнецк. Нач. XVIII в.
Н.Витсен

Казымский острог. Кон. XVIII в.
Н.Шахов

Смешанный топографическо-панорамный тип

Тобольск. Нач. XVIII в., И.Г.Унферцхт

Селенгинск. Нач. XVIII в.
И.Г.Унферцхт

Удинск. Нач. XVIII в. И.Г.Унферцхт

Тобольск. Нач. XVIII в.
Неизвестный автор

Тобольск. Кон. XVII в.
Г.А.Шлейсинг

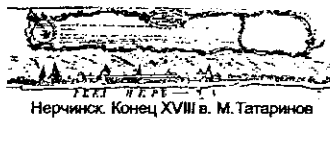

Нерчинск. Нач. XVIII в.
Неизвестный автор

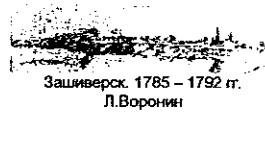
Фронтальная панорама

Иркутск. 1770 г.
И.В.Люрсониус.

Нерчинск. Кон. XVIII в. М. Татаринев

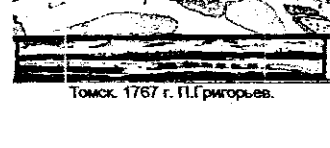
Зашиверск. 1785 – 1792 гг.
Л.Воронин

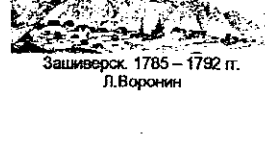
Якутск. Вторая пол. XVIII в. Ф.Д.Нее

Тобольск. 1770 г.
Н.А.Саблин.

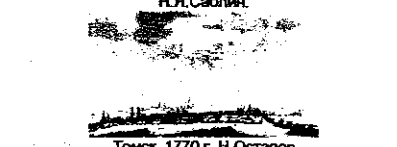
Томск. 1767 г. П.И.Григорьев.

Зашиверск. 1785 – 1792 гг.
Л.Воронин

Тобольск. Вторая пол. XVIII в.
Ж.Б.Тиллиард

Томск. 1770 г. Н.Остапов.

Нижнекамчатка. Середина XVIII в.
По рисунку И.Х.Берюзана

Охотск. Середина XVIII в.
По рисунку И.Х.Берюзана

Усть-Каменогорск. Нач. XIX в.
Е.М.Корнеев

Глубинно-пространственная панорама

Петропавловская гавань. Середина XVIII в.
По рисунку И.Х.Берюзана

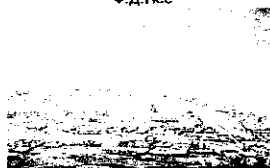
Кяхта. Вторая пол. XVIII в.
Ф.Д.Нее

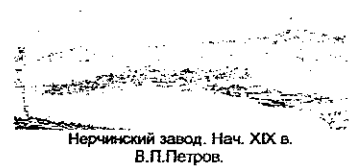
Нерчинский завод. Кон. XVIII в.
Неизвестный автор

Нижнеудинск. Нач. XIX в.
Е.М.Корнеев

Кяхта. Нач. XIX в.
Е.М.Корнеев

Нерчинский завод. Нач. XIX в.
В.П.Петров.

Локальный вид

Тобольск. Нач. XVIII в.
Неизвестный автор

Березов. 1740 г.

Березов. 1740 г.
С рисунка Т.Кенигсфельда

Березов. 1740 г.
С рисунка Т.Кенигсфельда

Демьянский Ям. 1740 г.
С рисунка Т.Кенигсфельда

Отпечатано в типографии ООО «Гипрософт»
г. Москва, Ленинский пр-т, д.37А
Объём 1,5 п.л. Тираж 100 экз.

17506

РНБ Русский фонд

2006-4

17506